

Хави Фаранес родился 1 января 1940 года. Как вспоминала его мама Марта, когда рассказывала сыну о его рождении, он с первых дней жизни отличался самостоятельностью и независимым нравом. Если он хотел есть, то его бас разносился по всему Народному роддому и молодые мамочки говорили Марте: «Это твой Хави! Сейчас он высосет все молоко из обеих грудей!»

Рост Хави был 59 см, а вес 4 кг 900 г. Отличался он отменным аппетитом, а Марта со счастливой улыбкой смотрела на младенца и говорила: «Кушай, кушай! У меня еще будет много молока!»

Папа Антонио, рыбак, был счастлив. Их первенец, десятилетняя дочка Сильвия, буквально сходила с ума от радости, гордясь появлением братика. Марте она была первой помощницей в заботе о ребенке.

Хави себя стал помнить в возрасте примерно трех с половиной лет. Осенью 1943 года в порт Гаваны зашел советский транспортный корабль. Грузчики споро грузили мешки с сахаром, а тысячи гаванцев пришли в порт на стихийно возникшую манифестацию дружбы. Советские военные моряки уже устали пожимать руки, но находили в себе новые резервы и братание продолжалось. Хави сидел на плечах отца Антонио и чувствовал себя абсолютно счастливым, помахивая кубинским флажком.

Вдруг наступила полная тишина. Большой белый автомобиль медленно катился, чуть не задевая людей. В открытой машине сидел невысокий коренастый узкоглазый кубинец. Белоснежная военная форма оттеняла его смуглую кожу.

— Батиста! Батиста! — раздалась шепотки со всех сторон.

Автомобиль остановился буквально в трех шагах от семьи Фаранес. Услужливый офицер открыл дверцу, и президент Кубы с достоинством ступил на мостовую. В наступившей тишине неожиданно раздался голос маленького Хави:

— Ола, Батиста! — и ребенок протянул маленький флажок Фульхенсио Батисте.

Первый человек Кубы поднял голову, заметил малыша и доверчиво протянул к ребенку руку. Хави вставил в правую ладонь президента флажок и радостно засмеялся. Толпа замерла в оцепенении. Фульхенсио, как мог радушно, улыбнулся ему, зажал флажок под мышкой и сунул обе руки в карманы. Затем из левого кармана брюк вытащил круглый значок, а жестом правой руки попросил опустить малыша с плеч. Папа Антонио повиновался. Фульхенсио Батиста присел на корточки и прикрепил к футболке ребенка круглый значок со своим изображением. Сестра Сильвия взяла малыша за правую руку и звонким голосом произнесла: «Мучограцио, президенто!»

Польщенный Батиста погладил девочку и мальчика по головам и двинулся в сторону корабля.

Сопровождающие солдаты, бестрепетно и грубовато раздвигая людей, споро постелили красную дорожку, освобождая проход для президента. Навстречу ему медленно двинулись представители советского посольства и командир корабля. Маленький Хави взял и тоже ступил на дорожку и потянул за собой сестру. Охранники замерли в недоумении. Фульхенсио Батиста этого не заметил. Он принял рапорт от капитана советских моряков и вдруг увидел боковым зрением приглубленных им детей. Капитан корабля, очевидно, подумал, что это дети Батисты и вручил им два вымпела с названием советского транспортного судна. Вокруг раздали аплодисменты. Хави отдал честь советским военнослужащим. Публика зааплодировала еще сильнее. В это время мама Марта тихонько позвала детей:

— Хави, Сильвия! Идите, пожалуйста, ко мне, прошу вас!

Дети послушно повернулись и пошли по красной дорожке обратно. Охранники расступились, пропуская детей. Мама поцеловала их, и Хави снова оказался на отцовских плечах. Они медленно стали выходить из толпы, а отец неодобрительно бормотал:

— Несу домой верного батистовца!

Что происходило дальше в порту, они уже не знали — стремились быстрее вернуться домой — в Гавану Вьехо.

Старая Гавана — это место, где проходила вся их жизнь. Здесь они чувствовали себя уверенно и счастливо. Дома мама выговаривала Хави:

— Ну, ты и влип в историю!

Мальчик, не понимая значения ее слов, лишь смеялся в ответ. Сильвия внимательно рассматривала значок с изображением Батисты. Время от времени Хави прикрывал изображение ладошкой, а потом убирал ее, открывая значок, и смеялся, видя недовольство старшей сестры. Мальчику было приятно находиться в центре внимания.

Через два дня он забыл об этом событии, а Марта спрятала футболку со значком в огромный шифоньер из дубового дерева, в котором находилось место для всего.

В 1942 году Фульхенсио Батиста установил дипломатические отношения как с Советским Союзом, так и с другими странами антигитлеровской коалиции и объявил войну Германии, Италии и Японии. Маленькая Куба поставками сахара также участвовала во второй мировой войне. В Советском Союзе сахар был таким же стратегическим товаром, как хлеб, водка, соль, спички, табак. И помощь из далекой центральноамериканской страны была определенным подспорьем для испытывающего нечеловеческие трудности населения СССР.

Семейные испытания

Антонио стал активистом национального антифашистского фронта и разъяснял окружающим, что введение всеобщей воинской повинности на Кубе — это важное и нужное дело. Люди верили Антонио, потому что речь шла о независимости страны, и тогда Батиста помогал объединять разные народы, живущие на Кубе, в единую страну своими реальными действиями против фашистских агрессоров.

Антонио был честным и добросовестным рыбаком, и люди верили ему. Часто на вечерние беседы с населением Антонио брал с собой маленького Хави. Люди узнавали малыша и приветствовали его словами: «Слава верному батистовцу!» Мальчик не понимал значения этих слов, но ему было приятно, что его все везде узнают.

В 1948 году в семью пришла беда. Мама Марта пошла помогать супругу на рыбный базар, чтобы сортировать рыбу для перекупщиков. Одна из пойманных рыб еще не уснула, вывернулась и укусила Марту за указательный палец левой руки. Женщи-

на вскрикнула, завязала палец платком. Боль вроде бы немного поутихла. Но поздно вечером палец распух. Решили подождать до утра. И напрасно: началось заражение крови. Через три дня ее не стало. На городском кладбище Гаваны у семьи Фаранес был семейный склеп. Там и упокоилась 36-летняя Марта. Мальчику было семь с половиной лет.

Но на этом несчастья в семье не закончились. В 1953 году, весной, Сильвия возвращалась из вечерней школы, где работала преподавательницей испанской литературы. В вечерней школе учились люди разных возрастов, особенно много было учеников из Гаваны Вьехо, потому что в вечерней школе бедных учили бесплатно. Сильвия была всеобщей любимицей. Когда она читала испанские романы или пересказывала их, когда самозабвенно звучали поэтические строки о свободе, то ученики замирали то от восторга, то от огорчения, когда видели слезы в ее глазах. Молодую учительницу приглашали заниматься частной практикой, работая в богатых домах состоятельных кубинцев. Но на все предложения она отвечала отказом со смехом: «Я хочу дарить радость и знания народу Кубы!»

В 1952 году Фульхенсио Батиста совершил военный переворот на Кубе. Его активно поддержали Североамериканские Соединенные штаты. Батиста любил разные подарки и разрешил организовать на Кубе казино. Благодатный климат Кубы, доброжелательность и открытость кубинцев — все было поставлено на службу американской мафии. Раз появились казино, то появились и дома терпимости. Богатые клиенты хотели удовлетворять свою похоть. Им не нужны были старые проститутки, но они хотели молодых юных тел, и тогда в Гаване и еще в ряде городов страны стали действовать банды, нанятые американскими мафиози, для принуждения девушек к проституции и помещению их в публичные дома.

26 марта 1953 года семья Фаранес запомнила навсегда. После занятий в вечерней школе Сильвия возвращалась к себе домой в Старую Гавану. Несколько учеников хотели проводить учительницу до дома, но она ответила отказом, потому что на одном из перекрестков ее ждал верный Хорхе, 25-летний водитель грузовика, который очень нравился Сильвии и с которым она мечтала создать в будущем семью. До перекрестка она не дошла буквально метров двести. Четверо неопрятных мужчин в одинаковых черных кожаных куртках кинулись к ней навстречу, чтобы схватить ее.

За несколько мгновений в голове Сильвии пронеслись мысли: «Неужели ее сделают проституткой?» Она вспомнила свою подругу Стефанию, которую два месяца тому назад примерно также поймали, отвезли в публичный дом и отдали богатому старому американцу. Так для Стефании началась полурабская жизнь. А ведь Стефания тоже была учительницей. Только спустя месяц она пришла домой с потухшим взглядом и с синяками на теле. Стефания и Сильвия жили по соседству. Когда Стефания рассказала свою историю о том, как за неполный месяц ею овладели в общей сложности тридцать мужчин, а один даже издевался над ней, то девушки обнялись и горько разрыдались. Сильвия не хотела отпускать Стефанию обратно, но у Стефании была больная мать, четверо братьев и одна сестра, отец утонул в океане, а потому даже этот полунищенский заработок был подспорьем для семьи. Кроме того, Стефания боялась, что придут из публичного дома, найдут ее, избьют и снова понудят к занятиям проституцией. Когда девушки уже прощались, прибежал Хави, который все дни проводил на Малеконе — набережной в Гаване. Ему было уже тринадцать лет, и хотя он был невысокого роста, но коренастый, крепкий красивый мальчик:

— Салют, Стефания! Что-то давно тебя не было видно! Я соскучился!

Стефания упала перед Хави на колени, уткнулась ему в грудь и разрыдалась.

Мальчик гладил девушку по волосам и удивленно смотрел на сестру:

— Скажи, Сильвия, кто ее обидел? Я приду и избью обидчика!

Сильвия тоже разрыдалась.

Постепенно Стефания успокоилась, расцеловала мальчика и сказала ему, что когда-нибудь покажет своих обидчиков, когда он вырастет. Мальчик расстроился и пошел на кухню поесть скромный ужин, который приготовила Сильвия.

Вспомнив судьбу Стефании, Сильвия решила сопротивляться до конца. Она отмахнулась локтем и попала в нос одному из преследователей. Тот вскрикнул, схватился за лицо руками и кровь потекла по его ладоням. Трое преследователей на несколько секунд опешили. За это время Сильвия успела сбросить с себя туфли и ударила туфлей одного из преследователей по лицу. Каблук попал в правый глаз бандита. Раздался жуткий вой, и он упал на мостовую. Сильвия, подобно трепетной лани, рванула к спасительному перекрестку. Но ее преследователи тоже не дремали. В прыжке один сумел схватить ее за ногу, и они кубарем покатались по мостовой. Бандит, который бежал следом, схватил девушку за шею и резко дернул. Он переусердствовал — смерть наступила мгновенно.

Плонув на коченеющий труп и ругаясь самыми последними словами, бандиты подхватили двух своих подельников и скрылись в переулке.

А верный Хорхе стоял на перекрестке и ждал свою ненаглядную Сильвию.

Через 15 минут он стал волноваться: не случилось ли чего? Вдруг он увидел, как по мостовой бежит пожилая негритянка Кончита, воздев руки к небу: «Помогите все, кто слышит меня! Убила учительницу Сильвию! Помогите!»

Хорхе кинулся к ней и попросил отвести к месту трагедии. Он бежал за Кончитой и рычал, как раненый лев. Испуганные люди выходили из своих трущоб и присоединялись к ним. Жуткое убийство потрясло всех. Девушка не дышала.

Хорхе подхватил ее на руки и понес тело к дому. Кто-то робко сказал о том, что надо вызвать полицию, потому что произошло убийство, но Хорхе так посмотрел на советчика, что тот чуть не проглотил язык от страха. Под причитания негритянки Кончиты и других сопровождающих он бережно нес свою любовь в Старую Гавану. Толпа множилась, и когда они подошли к дому, где жила Сильвия вместе с Хави и папой Антонио, то собрались уже несколько тысяч человек.

— До каких пор нас будут унижать и издеваться над нами! До каких пор нас будут лишать будущего, принуждая девушек к проституции! До каких пор будут грабить нашу страну американцы и предатели-кубинцы! Мы не выйдем на работу, мы выйдем на демонстрацию гнева! — выкрики людей помогли Хорхе забыть о горя. Несколько старушек принесли белые простыни, расстелили их возле порога, куда бережно положили Сильвию. Тысячные вопли отчаяния сменились общим плачем. Хорхе упал на колени и целовал безжизненные руки девушки. Кончита и еще несколько пожилых кубинок еле отвели его в сторону.

Антонио пришел домой вместе с Хави и застыл в оцепенении: не стало его любимой дочери, его задорной, звонкой, веселой и всегда настроенной на оптимизм дочери! А как же теперь Хави? Кто будет ухаживать за мальчиком?

Хави застыл подобно соляному столбу и время от времени повторял одну и ту же фразу:

— Как же мы не уберегли тебя, Сильвия?

Он не плакал, его лицо закаменело и смотреть на него в эти минуты было страшно.

Отец Антонио обнял мальчика за плечи и негромко произнес:

— Хави, она достойно жила, она была солнечным лучиком Старой Гаваны и наших трущоб, и мы должны проводить ее в последний путь, как будто хороним королеву Испании.

Люди повторяли эти слова, передавая друг другу.

Расстелили еще одну большую белую простыню рядом с телом, и люди стали

бросать туда деньги. Сентаво и песо падали сначала тонким ручейком, но в результате сложилась горка, потом — еще большая горка... А люди все шли и шли, бросая и бросая деньги.

Если бы не прикрытое платком лицо Сильвии, если бы она могла видеть, то она бы поняла любовь жителей Гаваны Вьехо к ней.

Через два дня были назначены похороны. Антонио не хотел отпевать Сильвию в католической церкви, потому что видел лицемерие и неприкрытый грабеж кубинского народа. Но его уговорили старухи, и он стоял в храме, потупив глаза. Его переживания были непереносимы.

Местный полицейский начальник прислал около сотни солдат следить за порядком. Ими командовал злой кривоногий лейтенант. Огромная толпа понесла гроб на городское кладбище Гаваны к семейной усыпальнице семьи Фаранес. Впереди шел Хави, облаченный в белые одежды. В левой руке он нес свечу, а в правой — документы.

Ворота кладбища были закрыты и их охраняли шестеро солдат. Старый священник встал рядом с Хави и попросил: «Откройте ворота, у склепа ждут рабочие, нам нужно похоронить погибшую!». Однако начальник караула с бесстыдной наглостью отвечал: «Здесь слишком много людей, вы будете мусорить и можете повредить могилы». Священник стыдил начальника караула, но тот был непреклонен. И вдруг раздался спокойный, уверенный, и тем более устрашающий голос Хорхе: «Если через двадцать секунд ворота не будут открыты, мы сломаем их, а вас втопчем в булыжник! О вас даже не останется воспоминания! Нас здесь пятнадцать тысяч. Никто не заткнет голос Старой Гаваны!»

Хави стоял и безучастно смотрел на все происходящее. За его спиной шестеро молодых людей несли гроб с телом его единственной любимой сестры. Рядом со священником встала Кончита. Она увидела солдата-мулата и обратилась к нему: «Не унижай себя! Открой ворота!» Она говорила спокойным размеренным голосом. Ее звук гипнотизировал солдата. Он из всех сил оттолкнул начальника караула и открыл ворота. Начальник караула, цепляясь за кобуру, кричал: «Стреляйте! Стреляйте!» Но несколько солдат умелыми действиями спеленали начальника караула. И хотя он еще трепыхался, но люди начали проходить внутрь некрополя.

Хорхе плюнул начальнику караула в лицо. Тот обмяк на руках солдат и разрыдался. Люди построились по шесть человек и ряд за рядом шли за гробом. Никто не мог противиться их гневу и горю.

Панихида был крайне скромной. Католический священник прочитал заупокойную молитву, которую стоящий рядом с ним Хави запомнил наизусть сразу. Рабочие умело разобрали часть склепа, закрыли гроб крышкой, и под душераздирающую траурную мелодию поместили его внутрь склепа. Затем снятый облицовочный камень вернули на место, а люди медленно и печально двинулись обратно.

Ни одного окурка, ни одной бумажки, ни одной пустой бутылки не осталось после них. Начальник караула отдал солдатам команду закрыть ворота, а огромная демонстрация пошла к тому месту, где была убита Сильвия. Солдаты осторожно и испуганно, стараясь не попадаться разгневанным людям на глаза, шли по бокам и сзади. Они понимали, что лучше народ не сердить. Вместе шли белокожие и коричневые, черные и красные — люди разных оттенков кожи и разной веры объединились в эту печальную минуту. Огромный холм из цветов на месте гибели покрыл позор власти Батисты, временного президента Кубы. Кто-то крикнул: «Пойдемте сожжем хотя бы с десяток казино!» Но Хорхе предостерегающе поднял вверх открытую правую ладонь. Наступила полная тишина. Тысячи людей ждали слов возлюбленного Сильвии. И он нашел самые верные слова. Речь его была немногословна:

— Жители Гаваны Вьехо! Кубинцы! Нас хотят лишить будущего! Нас хотят превратить в бессловесных рабов! Это происходит в середине двадцатого века, когда пали многие колонии и десятки государств стали независимыми и свободными. Я уверен, что пройдет не более пяти-восьми лет и Куба тоже задышит полной грудью, и вы, простые кубинцы, станете свободными гражданами новой Кубы! Венсеремос! — и он сжал ладонь в кулак.

— Венсеремос! — закричала толпа. И в этом едином возгласе «Вместе победим!» было столько неустрашимой уверенности, столько презрения к правительству Батисты, ко всем латифундистам, наркоманам, содержателям притонов и казино, что если бы они услышали это, то, наверняка, вся свора бросилась бы врассыпную.

Хави сунул руку в карман белой куртки и нащупал какой-то круглый предмет. Это оказался значок с изображением Фульхенсио Батисты. Мальчик посмотрел на него, затем показал всем присутствующим, бросил его наземь и стал топтать. Солдаты сделали вид, что ничего не видели, а их командир и начальник полицейского участка в страхе переглянулись. Жестами они показали солдатам разойтись.

А в Гавана Вьехо весь вечер были поминки. Потом люди еще раз собирали деньги, отдавая последние сентаво и песо, потому что Хави остался полусиротой, потеряв мать Марту и сестру Сильвию. Как горестно пошутил на поминках Антонио Фаранес:

— Едоков становится все меньше, как и надежды на счастливую жизнь! Помощь народная окончится, а жить все равно нужно.

Люди с жалостью слушали его полубредовую речь и время от времени пожимали ему руки. Гавана Вьехо никогда не бросает своих.

Тайна дубового шифоньера

Старая Гавана хранит много тайн. Раскрытие некоторых из них вызывает такое глубокое впечатление у узнавших, что запоминается на всю жизнь.

2 апреля 1953 года Хави проснулся рано и, лежа в постели, думал о том, как он проведет этот день. Можно сходить на Малекон и погулять по набережной с друзьями, а можно помочь старику Педро продавать газированную воду и мороженое, а он взамен обязательно даст бесплатно полакомиться, можно пойти в порт и понаблюдать за очередным причалившим огромным кораблем с американскими туристами. И если поднести им вещи, то можно заработать несколько десятков центов, а то и один-другой американский доллар, который небрежно швыряют к твоим ногам американцы.

Хави встал, сделал несколько гимнастических упражнений. Вдруг взгляд его остановился на небольшой бумажке, которая лежала на круглом обеденном столе. Бумажка была сложена. Хави развернул ее и прочитал: «Сыночек! Я вернусь через два часа, дождись меня, пожалуйста. Приготовь себе кукурузные хлопья и яичницу. Можешь сварить кофе, только трать экономно. На улицу, пожалуйста, не выходи». Хави заинтриговала последняя фраза. Почему ж не надо выходить на улицу? В чем дело? Но решил во всем послушаться отца, как это было всегда раньше.

Взгляд его упал на фотографию Сильвии в кружевной траурной рамке. Мальчик смахнул набежавшую слезу и задумался: как же несправедливо устроена жизнь, если его умная, красивая и очень добрая сестра погибла от злых людей. Он вспомнил обещание Хорхе: «Я найду тех, кто пытался надругаться и убил твою сестру, Хави! Я обязательно с ними расправлюсь!» Перед ним предстало лицо Хорхе, его раздувшиеся от гнева ноздри, и он понял, что Хорхе обязательно сдержит свое слово.

Он неспешно приготовил себе немудрящий завтрак, без особого аппетита поел, затем снова лег на кровать, и легкая дрема овладела им. Хави почудилось, как из дубового шифоньера осторожно выходит его отец, который очень аккуратно затворил

за собой дверцу шифоньера. Хави снова смежил веки, а минут через пять услышал, как в ванне плещется вода.

Полутораэтажный дом, в котором жил Хави, раньше, давным-давно, даже еще до рождения его дедушки, принадлежал контрабандисту. Прадедущка Хави служил у него. Потом, как рассказывает семейное предание, скрываясь от полиции, контрабандист уехал на корабле в Европу, а дом подарил прадедущке Хави за верную и усердную службу. Теперь четвертое поколение семьи Фаранес жило в этом доме и имело право покоиться в склепе на городском кладбище Гаваны вместе с предками того контрабандиста, когда наступала пора покидать благословенную Кубу навсегда.

Отец Антонио набросил на себя халат и подошел к прикорнувшему мальчику. Он только поднял правую руку, чтобы осторожно потрогать сына по плечу, как Хави открыл глаза и спросил:

— Я не слышал как ты открывал входную дверь, папа! Ты как оказался дома, если тебя не было здесь? Я завтракал, прочитал записку, потом уснул снова. Мне показалось, что ты вышел из шифоньера.

Папа Антонио засмеялся:

— Я прятался в шифоньере, сынок, чтобы проверить, какой ты послушный сын.

— Папа! И как тебе не надоело сидеть в душном и темном шифоньере?!

Отец ничего не ответил. Он присел на краешек кровати и задумчиво посмотрел на сына:

— Хави! Нас осталось только двое на этой земле! Я бы хотел посвятить тебя в тайну, о которой пока знаю только я один. Вернее, я остался только один, который знает эту тайну. Может быть, на Земле есть еще кто-то, кто посвящен, но я этого не знаю. Можешь ли ты хранить тайну и не выдать ее ни под какими пытками? Подумай, пожалуйста, прежде чем ответить мне на этот вопрос.

Хави задумался. Еще никогда отец не говорил с ним таким серьезным тоном, а его взгляд не был таким печальным.

Отец Антонио продолжил:

— Тебе чуть больше тринадцати лет, сынок. Возможно, тебе еще рано узнавать об этой тайне, но иногда жизнь делает исключения. Я не могу тебя принуждать, я могу тебе только верить — ведь ты мой сын!

Хави понял, что с дубовым шифоньером связана какая-то большая тайна. Он посмотрел на отца и со всей убежденностью, на какую только мог быть способен, произнес:

— Отец! Я не буду клясться. Я никогда никому ничего не скажу.

Он сел на кровать рядом с отцом, и два родных человека обнялись. Таким эмоциональным способом они скрепили полное безграничное доверие друг к другу.

Хави последовал вслед за отцом босиком по прохладному каменному полу. Мама Марта обычно за это ругала его, требуя, чтобы он надевал легкие танкетки, но сейчас это не имело никакого значения. Отец прочитал его мысли и сказал:

— Хави, мама бы не одобрила, что ты идешь без танкеток. Одень, пожалуйста.

Хави послушался отца.

Подошли к дубовому шифоньеру. Отец Антонио внимательно посмотрел в глаза мальчику и спросил:

— Ты не боишься, сынок? Наш путь составит около двух километров.

«Куда эти два километра?», — подумал Хави. — Хоть дубовый шифоньер и широкий, но как ходить внутри него, так как он забит одеждой и всякими ненужными старыми вещами?»

Отец достал ключ и вставил его в замочную скважину, провернул пять раз вправо. Затем просунул ключ дальше, и он неожиданно поддался. Затем отец еще два раза

провернул ключ вправо, а потом почти выгасил его из скважины. Но бородка ключа осталась в ней. Отец еще три раза повернул ключ вправо и осторожно потянул ручку дверцы на себя. И... произошло удивительное. Дверца открылась наружу вместе с частью шифоньера. Хави заглянул внутрь и с удивлением обнаружил уходящую вниз деревянную лестницу с широкими ступенями.

Отец вздохнул:

— Ну, давай, сынок! Спускайся вниз. Это не простые ступеньки. Когда ты будешь ступать поочередно на каждую последующую, то путь тебе будут освещать голубые всполохи. Иди по этим лестницам, которые кажутся деревянными и массивными, очень легко, потому что они дутые. У нас еще есть с тобой тридцать минут, потом начнется прилив.

И действительно, все получилось так, как говорил отец Антонио. Пятьдесят шесть ступенек насчитал Хави, пока не вступил на мощный камень — достиг дна. Позади легкой походкой спускался отец. В руке у него был динамо-фонарик. Когда отец нажимал механическую ручку на пружинке, то загорался свет.

— Хави,— попросил Антонио.— Никогда не зажигай спички, не носи с собой табак, когда спускаешься вниз и идешь по подземному ходу — это смертельно опасно. А сейчас, пожалуйста, привяжи веревку к моему поясу и иди вслед за мной, в нескольких шагах позади меня.

Зачарованный тайной, Хави беспрекословно выполнил указания родителя. В кромешной тьме отец ориентировался прекрасно. Дно подземного хода было практически чистым — отсутствовали песок и лужи. Вдруг маленький краб забрался по ноге Хави и пополз вверх. Мальчик хотел было вскрикнуть от страха и изумления, но ответственность перед отцом и необходимость соблюдения тайны помогли ему сдержаться. Однако веревка натянулась, и удивленный отец осветил Хави сверху вниз. Луч света выхватил крабика, застывшего на ноге у Хави. Отец связкой ключей небрежно сбил крабика на землю, и сделал это так удачно, что ключи даже не задели кожи Хави. Этот эпизод развеселил ребенка. Но отец по-прежнему оставался серьезным. Он едва слышно попросил Хави:

— Сынок! Сейчас сделай ноги колесом и мы пойдем очень осторожно, ступая по полу внешними сторонами стоп. Никаких посторонних звуков не должно быть слышно.

Хави повиновался. Их движения замедлились, но поступательное движение продолжилось.

Антонио пошарил слева от себя по стене подземного хода, и преграждающая их движение каменная глыба стала поворачиваться по своей оси на девяносто градусов. Слева и справа образовались два небольших прохода. Отец попросил Хави отвязать веревку, взял ее у сына и обмотал ею свои бедра, спрятав концы в карман брюк. Он боком первым прошел с левой стороны. Затем едва слышно произнес: «Хави!». Тот свободно прошел с правой стороны. Огромная каменная глыба стала поворачиваться обратно и беззвучно закрыла проход.

— Раздевайся до плавок! — приказал отец.— Одежду спрячь в незаметной нише над своей головой, туда же положи и танкетки.

Мальчик незамедлительно выполнил указания отца. Затем Антонио тоже разделся.

— Впереди нас в тридцати метрах Атлантический океан. Постепенно ход будет сужаться. Ты маленький, ты пройдешь почти не наклоняясь, а мне придется идти на полусогнутых ногах, да еще и нагнувшись. Но я привык к этому, сынок. Моему дедушке, твоему прадедушке, которому подарили наш дом, а вместе с ним и тайный подземный ход, который никогда нигде не был указан и которого как бы не существует, приходилось гораздо тяжелее. Он ложился на два деревянных корыта и, пооче-

редно двигая руками и ногами, проползал сначала вперед, к океану, а потом также возвращался назад до этого места.

Хави пошел вперед первым. Невдалеке он заметил фигуру какого-то мальчишки, который шел по песку и искал морские раковины, а может быть, и какие-нибудь предметы, которые могли появиться на морском дне с отливом Атлантического океана. Хави подождал, когда мальчик исчезнет из виду, уйдя куда-то влево, и уже хотел выйти наружу, но отец попридержал его за плечо:

— Хави! Сначала проморгайся, а затем закрой глаза на несколько секунд, а потом открой. Иначе от яркого утреннего солнца ты можешь начать моргать, а кто-нибудь это может заметить и заподозрить что-либо неладное. Когда выйдешь, пройди шагов пятнадцать вправо вдоль берега, а потом начни копать в песке. Я пойду как бы слева, а потом мы встретимся дальше впереди. Но учти, что через десять минут мы должны возвращаться обратно, потому что скоро начнется прилив и нам нужно вернуться в подземный ход к его началу.

Хави вышел наружу. Невысокий смугловатый парень, коренастый и физически развитый сильнее, чем на свои тринадцать лет. Таких мальчиков, искателей удачи и морских сокровищ, каждое утро ходило по берегу немало, и Хави ни у кого не вызвал подозрения и интереса. Практически все смотрели себе под ноги, не обращая внимание друг на друга. Сквозь песок что-то блеснуло. Хави с любопытством присел на корточки и начал разгребать песок. В его руках оказалось серебряное песо 1875 года выпуска. Хорошо, что в плавках был маленький кармашек. Хави сделал вид, что неловко шлепнулся на мокрый песок и незаметно опустил в кармашек монетку. Специально громко выругался, будто бы досадуя на собственную неуклюжесть, и небрежно топтал вперед, зная, что через одну-две минуты к нему присоединится отец.

Двое мальчишек, которые внимательно наблюдали за Хави, рассмеялись над его падением и пошли себе дальше — они ничего не заметили. Хави шел вперед, ощущая тяжесть монетки в кармашке. «Ничего себе, повезло», — подумал он.

Позади себя он услышал голос отца:

— Сынок, иди чуть медленнее, а потом через левое плечо поворачивай обратно. А я сейчас потихоньку повернусь обратно, внимательно оглядываясь по сторонам.

Хави даже не заметил, как отец исчез в подземном ходе. Он сделал то же самое, обратив внимание на то, что действительно, если не знаешь, то никогда не обнаружишь вход в подземелье.

Дошли той же дорогой до огромного камня, который фактически был стеной у входа в подземный лаз. Антонио справа нашел какой-то едва заметный выступ, нажал на него, и стена снова стала поворачиваться вокруг своей оси. Первым внутрь проскочил Хави, а затем — Антонио. Массивный камень повернулся, полностью закупорив ход. Антонио прижал палец к губам и едва слышно прошептал:

— Хави! Давай останемся здесь минут на пять и подождем: начнет ли снаружи поступать океанская вода. А я посмотрю, не может ли она просачиваться через какую-либо щель. Каким-то образом крабик-то попал в подземелье?

Хави подивился осмотрительности отца, но предположил:

— А может, он где-то на одежду зацепился?

Но потом понял, что он сказал глупость, потому что из одежды у него были только одни плавки, как и у его отца.

Антонио понял, что Хави понял свою ошибку и не стал ничего говорить сыну. Он осветил мальчику, чтобы тот нашел нишу со своей одеждой. Когда Хави оделся и присел на корточки, то отец тоже оделся. Через несколько минут океанская вода стала бить-плескаться в массивную стену, прикрывавшую подземный ход. Отец Антонио внимательнейшим образом просмотрел все сверху донизу, а потом они двину-

лись обратно. Хави подивился тому, что по подземному ходу его высокий отец шел свободно, не наклоняясь. Да и ширина была немаленькая. Он посмотрел на отца. Антонио прочитал немой вопрос в глазах сына и пояснил, второй раз не оборачиваясь:

— Сюда даже заплывали небольшие лодки, в которых была контрабанда. А потом, во время отлива, они сами плыли назад до камня, а затем уже рабы или беглые каторжники поворачивали их боком и протискивали наружу. Секрета открывания и поворота камня, а также его закрытия, никто не знал.

Хави восхищенно потряс головой. Он представил себе, какого труда стоило вырыть такой длинный и просторный подземный ход и сделать так, что вот уже почти столетие он верой и правдой служит людям. Пусть и не для совсем благовидных целей.

Как прадедушка, дедушка и отец Хави, которые считали контрабанду вполне допустимым видом заработка, так и Хави тоже придерживался этого мнения. В эпоху репрессивного режима Фунхельсио Батиста в семье Фаранес любые заработки, кроме убийств, похищения людей и краж, считались допустимыми, потому что помогали прокормить семьи. Государство ни в чем им навстречу не шло.

Дошли до ступенек. И опять при подъеме на каждую из них под тяжестью тела голубоватые всполохи помогали ориентироваться в темноте.

Насчитав пятьдесят шестую ступеньку, Хави осторожно шагнул в дубовый шифоньер. На маленькой площадке могли уместиться три человека.

Отец нажал на какую-то кнопку и часть дубового шифоньера повернулась и Хави в танкетках спокойно прыгнул на каменный пол. Отец последовал его примеру, затем легко качнул часть дубового шифоньера и раздался легкий щелчок. Без специального ключа внутрь войти было нельзя.

Антонио несколько раз продемонстрировал Хави последовательность действий сложного венецианского цилиндрического замка, у которого в одной замочной скважине находились три механизма. Без знания последовательности действий открыть замок было невозможно. А если открыть только первый замок, то открывалась обычная дверь, где висела одежда. Обнаружить ничего было невозможно.

Через три дня отец повторил урок. И уже Хави мог самостоятельно управлять огромным камнем, соответственно открывая или закрывая его. Так Хави овладел тайной дубового шифоньера.